

DOI: 10.17805/zpu.2015.4.36

Капитализм и международные отношения

А. И. ФУРСОВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В рецензии анализируется второй том работы А. Бэттлера «Мирология» (Бэттлер А. Мирология. Прогресс и сила в мировых отношениях. М. : ИТРК, 2015. Т. II. Борьба всех против всех. 672 с.). Отмечается авторский критический анализ теорий международных отношений в западной, японской, китайской, советской и российской науке. Центральное место в теоретической разработке самого А. Бэттлера занимает анализ проблемы силы в международных отношениях, прогресса и субъектности. Особое внимание уделяется политэкономии международных отношений.

Ключевые слова: капитализм; международные отношения; теория международных отношений; мирология; рецензия; А. Бэттлер

Второй том «Мирологии» — задуманного пятитомником фундаментального исследования А. Бэттлера (он же — Олег Алексеевич Арин, живет в г. Нью-Йорк, США) — называется «Борьба всех против всех» (Бэттлер, 2015). По сути, это два тома в одном — А. Бэттлер пишет очень плотно, и две части книги можно превратить в два цельных тома. В небольшой рецензии практически невозможно полноценно отразить все содержание всей книги — приходится что-то выпускать, что-то спрямлять. Адекватной формой был бы подробный обзор-комментарий на манер средневековых трактатов, однако у нас другая эпоха. В связи с этим остановлюсь на том, что представляется мне наиболее важным.

Прежде всего обращаю внимание читателя на методологически важное различие А. Бэттлером науки и теории, которые нередко смешивают друг с другом. «Наука объективна и универсальна, не имеет гражданства и национальности. Теория же как форма научного обобщения в общественных дисциплинах может быть ошибочной, национальной и идеологичной. Исходя из этого, можно сказать, что науки о МО (международных отношениях. — А. Ф.) действительно нет ни на Западе, ни на Востоке, а теорий существует великое множество и там, и здесь» (Бэттлер, 2015: 245). В целом с таким подходом можно согласиться, однако возникает вопрос: а возможна ли вообще наука о международных отношениях? И — шире — возможна ли наука о мире? А ведь именно на это, как явствует из названия («Мирология»), претендует автор. И если уж мы заговорим о названии, то подзаголовок звучит так: «Процесс и сила в мировых отношениях». Автор совершенно правильно выходит на уровень более высокий и сложный, чем международный, — мировой. Вопрос в другом: а разве регресс и слабость не столь же важны в мировых отношениях и их анализе, как прогресс и си-

ла? Прогресс — регресс и сила — слабость суть пары в рамках диалектического единства. Впрочем, это уже вопрос подхода.

В первой части автор представляет критический анализ теорий международных отношений — ТМО (там же: 10). Последовательно разобраны:

— классики международных отношений: Э. Карр, Г. Моргантау (его А. Бэттлер считает ответственным за исходную путаницу в ТМО), К. Уолц;

— критическая теория (идущая от Ю. Хабермаса, по поводу которого в частности и Франкфуртской школы в целом автор абсолютно верно фиксирует тот факт, что реальной связи между этой школой и марксизмом, с которым ее нередко сближают, нет) (там же: 89);

— неомарксистские схемы;

— мир-системный анализ И. Валлерстайна.

Последнему А. Бэттлер уделит значительное место, подвергнув жесткой, но вполне оправданной критике и подход в целом, и его «международно-отношенческую» часть. На примере трактовки капитализма в мир-системном анализе создатель «Мирологии» весьма убедительно демонстрирует принципиальное отличие неомарксистских схем, в том числе мир-системной, от марксизма. Действительно, если для Маркса определение капитализма находилось в сфере производства, а не в сфере обмена, как у мир-системников (не случайно Р. Бреннер назвал «валлерстайнизм» «неосмитовским марксизмом», чем задел мэтра), А. Бэттлер идет дальше и ставит под сомнение и саму научность теории мир-систем (там же: 225), и ее прогнозы развития международных отношений.

Отдельная глава части первой посвящена изучению ТМО в Китае, Японии и Российской Федерации. Китайские и японские ТМО рассмотрены в контексте общего представления о мире и типа мышления китайцев и японцев. Для нас особый интерес представляет анализ изучения ТМО в СССР и современной России. Как отмечает автор, в СССР исследованиями в области изучения ТМО начали заниматься в 1970-е годы с позиции критики западных школ (там же: 293). Он отвергает сложившийся на Западе и пропагандируемый многими нынешними российскими исследователями тезис о том, что «советские ученые международного профиля писали работы строго в соответствии с «линией партии и государства» в рамках догматического марксизма-ленинизма» (там же: 294), поскольку «линия партии» в значительной степени вырабатывалась именно учеными, а не цэковскими бюрократами. Более того, «именно в советское время ученые оказывали значительно большее влияние на принятие внешнеполитических решений, чем в настоящее время, когда это влияние свелось практически к нулю» (там же).

Отмечая, что в нынешней российской науке есть ряд серьезных исследователей ТСО (Э. П. Поздняков, Н. В. Косолапов и др.), в целом ее мейнстрим в этой сфере А. Бэттлер определяет как антисоветский и антимарксистский, слепо копирующий далеко не лучшие образцы западной науки. Эту тенденцию он иллюстрирует разбором работ П. А. Цыганкова, упоминая также Т. А. Алексееву, А. Д. Богатурова и др.: «Ну, «интегрировались в мировую науку» Т. Алексеева, А. Богатуров, М. Лебедева, сами Цыганковы (отец и сын) и ряд других теоретиков-международников, и что? Что же такого нового произвели они на свет, такого, чего не было до них? Какие идеи, какие новые теории, какие законы международных отношений сформулировали эти ученые, очистившись от «советского прошлого» в виде догматичного марксизма, не говоря уже об идеологичном ленинизме? Ведь не придумали ни одного «изма». Хотя

могли бы претендовать на такой “изм”, как **утопический еслибизм**, который широко представлен во многих работах российских теоретиков. И вся суть этой интеграции свелась к элементарному пересказыванию западных идей и теорий, изложению взглядов различных западных школ с бросающимся в глаза подобострастием перед учителями. Это подобострастие и переписывание идей сказываются даже на так называемом научном языке российских теоретиков, классическом англоязычном, призванном уничтожить русский язык. Вот слова и словосочетания, которые использует теоретик Цыганков: когнитивное катрирование (с. 55), ламентация, депривация, клиентизация (с. 91), ирредентистские движения (с. 248), социальные девиации (с. 393). У каждого из этих слов есть адекватный русский аналог. Но авторы употребляют эти “ученые” слова, потому что они подчинились англоязычной структуре мышления, в которой отражены именно англосаксонские представления о жизни, включая международные отношения. Скорее всего, никто из этих русских ученых даже не понимает, что, если он начал использовать термин *когнитивный* (вместо русского *познавательный*), он поневоле попадает в капкан всех разновидностей “cognitive science” западнобуржуазного толка. Уже вследствие этого нынешние российские теоретики находятся в плену западных теорий МО» (там же: 306).

И окончательный вердикт: «Высказанная критика в адрес российских буржуазных ученых не означает, что у них нет интересных комментариев или рассуждений на тему ТМО. Их специфика заключается в том, что обычно их мало интересует онтология, бытийная сущность явлений. Но они выявляют особенности и частности явлений, т. е. их инобытие, проявленное в реальности. Иначе говоря, российские буржуазные ученые работают на уровне эпистемологии, или гносеологии. Довольно часто в науке даже на этом уровне высвечиваются законы тех или иных сущностей. И хотя пока российские теоретики таких законов еще не открыли, но только потому, что они “в становлении”, в процессе, так сказать, созревания. Возможно, не все из них освободились от “тяжких пут марксизма” и вообще тяжелого “тоталитарного наследства”. Но есть надежда, что все это они преодолели и по-настоящему волеются в “основное течение”, то бишь в “мейнстрим” мировой науки — ТМО» (там же: 326–327).

Вторую часть (книгу) «Мириологии» А. Бэттлер начинает, как и положено исследователю, прошедшему школу «Науки логики» Гегеля и «Капитала» Маркса, с вопроса о понятиях и категориях. «Критический анализ, представленный в <...> 1-й книге, — пишет он, — должен был показать, что одна из главных причин несостоятельности множества теорий заключается в их онтологической уязвимости, вызванной идеалистическими представлениями на общество и природу. Как следствие — построение неких конструкций, которые отсутствуют в реальности. Ни одна школа не сформулировала четкие понятия, с помощью которых можно было бы изучать МО или мировые отношения. Некоторые из понятий носят описательный характер, другие просто неверны. А коль нет четкого понятийного аппарата, следовательно, нет и инструментов анализа. Правда, большинство международников такое обстоятельство не волнует вообще. Российские ученые, к примеру, говоря о глобализации или интеграции, на самом деле описывают проблемы интернационализации; говорят о силе государства, а описывают его мощь; формулируют концепции национальной безопасности, а фактически излагают проблемы внутренней политики. Мировые отношения для них идентичны международным отношениям и т. д.» (там же: 330). С учетом этого А. Бэттлер дает краткий, но очень емкий анализ ключевых понятий, которыми пользуется, — «прогресс» и «сила». Не могу сказать, что меня предложенные им интерпретации,

особенно понятия «прогресс», полностью убедили, однако надо помнить, что «определения и четкие теоретические конструкции являются конечным продуктом, а не начальным пунктом исследования» (Л. Вайскранц) (цит. по: там же: 337).

Исследование феномена общественной силы и власти А. Бэттлер начинает с анализа трактовки силы в исследованиях англо-американских ученых (М. Вайт, Р. Бирстед, Д. Ронг, Дж. Най-младший, который назван «американским еслибистом»), затем переходит к М. Фуко, М. Веберу, Г. Попицу, Н. Луману, Х. Арндт и вдруг — на первый взгляд неожиданно — сворачивает к Гегелю и Энгельсу. Отталкиваясь от двух последних, особенно от Энгельса, А. Бэттлер совершенно верно фиксирует актуальность их идей для XXI в. Их подход позволяет опровергнуть «всех так называемых левых, которые провозглашают, что в нынешних исторических условиях “лимит на революции” исчерпан, что с правящими кругами можно договориться, что изменения можно осуществлять путем реформ и прочими парламентскими мерами, за которые выступают “гуманисты” всех оттенков и во всех странах» (там же: 409).

Свою теорию «прогресса» и «силы» автор «Мирологии» излагает в главе 2 «Сила есть знания, знания есть сила» и главе 3 «Проблема “полей” и субъектности мировых отношений». При всех важности главы 2 (по сути, она — стержневая), хочу обратить внимание на главу 3, посвященную главным образом проблеме субъектности в мировых отношениях, поскольку она имеет не только научно-теоретическое, но и непосредственно практическое значение, в том числе и по такому важному вообще и для РФ в частности вопросу, как государственный суверенитет.

Отмечая, что «сопряжение понятия *внешняя политика* только с понятием *государство* — удобная теория для оправдания реальной внешней политики государств капиталистического типа» (там же: 500), А. Бэттлер в то же время настаивает на том, что «термин *суверенитет* продолжает сохранять свое значение не только с точки зрения международного права, но и самих международных отношений» (там же), поскольку в определенной степени через его содержание можно определить степень независимости того или иного государства и его силу.

Сведения внешней политики только к уровню государств и МО неверно, по мнению автора, еще и потому, что помимо государств акторами внешней политики являются транснациональные компании и многонациональные корпорации. Отдельный вопрос — является ли «мировое правительство» субъектом мировых отношений? (там же: 519–527). Нельзя не согласиться с автором, считающим, что в настоящее время в силу острых противоречий внутри основного глобального класса «мировое правительство» невозможно в принципе (там же: 527). А вот с тезисом о том, что такое правительство «станет возможным только при смене мирового капитализма на мировой социализм» (там же: 526), я категорически не соглашусь. Кто сказал или доказал, что посткапитализм обязательно будет: а) социализмом — разве можно исключить возникновение новых эксплуататорских форм? б) мировым — разве можно исключить распад посткапиталистического мира на более или менее замкнутые футуро-архаические макрорегионы?

Особый интерес вызывает глава «Политэкономия внешней политики государств», в которой А. Бэттлер, во-первых, анализирует ряд теорий капитализма (Л. Туроу, Дж. Сороса, Э. де Сото, Ч. Райт-Миллса, Д. Роткопфа, Б. Скотта и др.), во-вторых, предлагает собственный подход к анализу проблемы «капитализм и внешняя политика». Такое внимание к проблеме капитализма не может не радовать. Дело в том, что с 1990-х годов проблематика капитализма как системы оказалась вытесненной на пе-

риферию мейнстримом постсоветской науки. У ее представителей эта проблематика — в силу слабой теоретической подготовки, отсутствия реальной картины мира и нарастающего научного провинциализма — устойчиво ассоциировалась с марксизмом. Последний в условиях хлынувшей в Россию мутной волны третьесортной западной политологии, социологии и экономики казался чем-то вроде моветона. Термины «капитализм», «буржуазный» в определенном сегменте научных исследований стали чем-то почти неприличным; их место заняли такие термины, как «рынок», «современное общество», «демократия», «плюралистическое устройство» и тому подобные многосмысленные бессмыслицы. За ними, помимо прочего, было удобно прятать разграбление страны, формирование класса эксплуататоров, саму эксплуатацию и сдачу суверенитета. Интеллектуальная несостоятельность таким образом превращается в функцию классового интереса новых господствующих групп, не нуждающихся в реальной картине системы, которую они пытаются создать. Отсюда — вытеснение проблематики капитализма в маргиналии. И это как раз тогда, когда на Западе эта проблематика и наследие Маркса прежде всего по причине системного кризиса капитализма переживают ренессанс!

А. Бэттлер исследует (с прицелом на МО) государственно-монополистический капитализм как таковой, финансово-монополистический капитал (на японском материале), феномен империализма. Здесь он оказывается в интересном ряду таких исследователей, как Г. Магдоф, Р. Кокс, Э. Вуд, Д. Харви, Э. Хобсбоум, Р. Курц (хотя это не значит, что он с ними во всем согласен).

Второй том «Мирологии» — серьезнейшая работа, написанная на высоком теоретическом уровне. Автор демонстрирует знание и умелое применение подходов марксистской и гегелевской традиций, но также знание современной мировой научной литературы по исследуемым им вопросам. С «Мирологией» читатель отправится в требующее умственного напряжения увлекательное интеллектуальное путешествие, то соглашаясь, а то и споря с автором. И это замечательно: как заметил венгерский ученый Ф. Фехер, «именно несогласие делает жизнь стоящей штукой». И в книге А. Бэттлера его несогласие с критикуемыми авторами дорогого стоит, это несогласие есть не что иное, как классовая борьба с буржуазией в научной сфере. Эта борьба крайне важна для всех, кто не хочет провалиться вместе с капитализмом в Тартар Истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бэттлер, А. (2015) Мирология. Прогресс и сила в мировых отношениях. М. : ИТРК. Т. 2. Борьба всех против всех. 672 с.

Дата поступления: 12.09.2015 г.

CAPITALISM AND INTERNATIONAL RELATIONS

A. I. FURSOV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

This is a review of the second volume of A. Battler's "Mirology". The author presents a critical analysis of theories of international relations in Western, Japanese, Chinese, Soviet and Russian science. Battler's theoretical research focuses on the analysis of the problem of power in international relations, progress and agency. Special attention is paid to the political economy of international relations.

Keywords: capitalism; international relations; theories of international relations; mirology; review; A. Battler

REFERENCES

Battler, A. (2015) *Mirologiia. Progress i sila v mirovykh otnosheniakh* [Mirology. Progress and force in the world relations]. Moscow, ITRK Publ. Vol. II. *Bor'ba vsekh protiv vsekh* [Struggle of all against all]. 672 p. (In Russ.).

Submission date: 12.09.2015.

Фурсов Андрей Ильич — кандидат исторических наук, директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, директор Института системно-стратегических исследований, академик Международной академии наук (г. Инсбрук, Австрия), член Союза писателей России. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 6. Тел.: +7 (499) 374-59-61. Эл. адрес: rusint@bk.ru

Fursov Andrey Ilyich, Candidate of History, Director, Centre of Russian Studies, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Director, Institute of System-Strategic Studies, Full member, International Academy of Science (Innsbruck, Austria); Member, Union of Writers of Russia. Postal address: 6 Bldg., 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federatiob. Tel.: +7 (499) 374-59-61. E-mail: rusint@bk.ru